

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

**ДЕРЕВЕНСКАЯ
ДРАМА**

Николай Гарин-Михайловский
Деревенская драма

«Public Domain»

1903

Гарин-Михайловский Н. Г.

Деревенская драма / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1903

«Деревенская площадь. Налево берег пруда с несколькими ветлами. Перед сценой широкая улица с избами по обеим сторонам. С правой стороны изба бабушки Авдотьи, следующая Григория, с левой стороны к пруду большое деревянное железом крытое здание с надписью посреди здания «Волостное Правление», ближе к сцене на левой же стороне сторожка с надписью «Церковно-приходская школа». За волостным правлением изба Ирины, дальше Андрея. Садится солнце. День праздничный. На сцене много народу: подростки, девушки, парни; свежих, здоровых лиц мало; на завалинках, у изб, сидят постарше. С правой стороны площади, под лабазом устраивают лавчонку жена торговца и сын ее, подросток. Бабушка Авдотья сидит на завалинке у своей избы; положив голову на колени бабушки, полулежит Любуша...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Гарин-Михайловский

Деревенская драма

В четырех действиях

Действующие лица

- Ирина** – лет 35, хорошо сохранившаяся, ласковая.
Степан – ее муж, хилый.
Настя – красивая, молодая, кровь с молоком.
Николай – ее муж, хворый.
Любуша – сестра Насти, подросток.
Бабушка Авдотья – родная бабушка Насти и Любуши.
Бабушка Драчена – ветхая старушка.
Матрена – вдова, умная, с маленьким темным лицом.
Староста – умный мужик, голос звонкий.
Андрей – несуразный, на одну ногу припадает.
Григорий – елейный, с тонким голоском.
Никитка – подросток.
Никифор – молодой, с большими то мечтательными, то сверкающими глазами.
Торговец – с претензией купца, потирающий руки, охотник поговорить.
Жена его, Сын его – забитые.
Юродивый – высокий; маленькое безволосое, детское, в морщинах лицо; большие глаза; в длинной рубахе; босой.
Портной – в оборванном пиджаке, пьянчужка.
Антон – старик, молчаливый, загадочный.
Нефед – ласковый, молодой, увалень.
Федор – благообразный старик с чистыми глазами, вьющимися мягкими, светлыми, как лен, волосами.
Учитель – растерянная фигура.
Алена – солдатка.
Груня – подруга Любуши.
Дарья.
Аким – с разодранной губой.
Мишанька – молодой парень.
Урядник – с интеллигентным лицом, молодой.
Семен.
Приказчик – в поддевке, сапоги бутылкой.
Письмоводитель – неприятная фигура, с апломбом.
Писарь.
Миссионер – мрачная, с громадными волосами, пьяная фигура.
Крестьяне, крестьянки, подростки и дети.

Действие первое

Деревенская площадь. Налево берег пруда с несколькими ветлами. Перед сценой широкая улица с избами по обеим сторонам. С правой стороны изба бабушки Авдотьи, следующая Григория, с левой стороны к пруду большое деревянное железом крытое здание с надписью посреди здания «Волостное Правление», ближе к сцене на левой же стороне сторожка с надписью «Церковно-приходская школа». За волостным правлением изба Ирины, дальше Андрея. Садится солнце. День праздничный. На сцене много народу: подростки, девушки, парни; свежих, здоровых лиц мало; на завалинках, у изб, сидят постарше. С правой стороны площади, под лабазом устраивают лавчонку жена торговца и сын ее, подросток. Бабушка Авдотья сидит на завалинке у своей избы; положив голову на колени бабушки, полулежит Любуша.

Бабушка Авдотья (*перебирает волосы Любуши*). Вишь... Щиплется?

Любуша. Я ему: ты что, Никитка, щиплешься? А он смеется; «Это я, бат, люблю тебя».

Бабушка Авдотья. А ты б его по заливку... по заливку...

Любуша. «Идем, бат, в лес по малину». Я ему: кака така малина теперь? А он: «Найду тебе спе-е-люю...»

Бабушка Авдотья. Озорник он и есть... Вот как станет в другорядь звать, и отрежь ему: «С неумытым в лес иди, а не я с тобой, сопляком, дура, ходить стану». Да по заливку его, по заливку: «Дескать, не для тебя, сопляка, честь свою берегу, а для богоданного мне мужа».

Портной (*проходя*). Бабушке... (*Кланяется, быстро раздвигая и сдвигая ноги.*)

Бабушка Авдотья (*сухо, степенно*). Здравствуй и ты, не знаю, кто такой будешь...

Портной. Хо! Портной из города! Ножницы пропил – теперь ногами режу. Вот как! Вот как! (*Быстро раздвигает и сдвигает ноги.*) Хо!

Никитка (*проходя, смущенно останавливается, портному*). Так-так... с ножницами всякий дурак справится, а ты вот так без ножниц.

Портной (*перед Никиткой проделывает то же*). Хо!

Никитка (*ободраясь, покровительственно*). Так-так...

Алена (*одета по-мещански, с лицом тупым и самодовольным, проходя*). Бабушке Авдотье!

Бабушка Авдотья (*сухо, не глядя*). Здравствуй и ты.

Алена проходит, Никитка с смущенной улыбкой смотрит на нее; Алена усмехается и пренебрежительно отворачивается.

Портной (*подмигивая Никитке на уходящую Алену*). Штучка...

Никитка, самодовольно улыбаясь, делает папироску.

Хо! Дай-ка, мил друг, и мне.

Никитка. Дайка уехала, прислала купитку. (*Уходит.*)

Портной (*за ним*). Ну дай же, дай... (*Забегает вперед и стришет перед ним ногами.*) Хо!

Никитка. Сказано: не дам...

Уходят.

Бабушка Авдотья (*проводящая их глазами*). Так и пропадет от водки... Только и можно спасти его, ежели кто яблоко покойнику в гроб положит да сорок раз имя пьяницы помянет, а потом то яблоко и даст пьянице съесть, чтобы не знал он, значит, какое это яблоко.

Любуша. Никитка с Аленкой-то как перемигнулся: к ней теперь, наверно, и попер... Он рассказывает, у них, бабушка, там на огороде гульба идет всю ночь...

Бабушка Авдотья. А ты брось и думать о нем.

Любуша. Не было мне сухоты думать о нем!

Настя в новом платке, молча целуется с бабушкой, сестрой, садится.

Бабушка Авдотья (*после молчания, нехотя*). Ну рассказывай...

Настя (*холодно*). Нечего рассказывать.

Бабушка Авдотья (*вздыхает*). И так... На цепь сажают, в два кнута бьют, а рассказывать родной бабушке нечего, выходит... Ребенок где?

Настя. Где? Напоила маком, и спит.

Любуша (*протягивая через бабушкину руку и щупая Настин платок*). От Нефедя?

Настя. Так неужели от мужа?

Бабушка Авдотья (*сдержанно*). И при муже носишь?

Настя. Вынесла под мышкой, а на улице надела.

Любуша. А я б назло при нем и надела б!

Бабушка Авдотья (*строго*). И мужа-то еще не припасла, а о любовнике уже думает.

Любуша (*брезгливо*). А ну вас... Ни об чем я не думаю.

Груня (*подходит к Любуше*). Айда в хоровод?

Любуша. Айда!

Уходят с Любушей в толпу.

Бабушка Авдотья. И понимать-то уж что-то я плохо стала. Восьмой десяток караулю вот это место, чего не перевидала, а такого срама еще и не было в родне...

Настя. А кто срам устроил? Кто говорил: иди, иди...

Бабушка Авдотья. Так как же иначе? С каких достатков кормить тебя было?

Настя. Ну вот и накормила: ладно, Нефед помогает, а то хоть по миру...

Бабушка Авдотья (*вздыхая*). А нас-то как выдавали? Спрашивали?

Настя (*не слушая*). День-то весь больной на печи, а ночью с печи ко мне: я муж... А дух тяжелый... в гроб живой легче...

Бабушка Авдотья. А так легче, срам такой примать на себя?

Настя. В чем срам? Был бы Нефед мужем, не хуже людей жила бы.

Бабушка Авдотья. Так ведь не муж же...

Настя. Так неужели тот окаянный муж? Не считаю я его мужем.

Бабушка Авдотья. Ты не считаешь, а люди...

Настя. Пусть люди и живут с ним.

Бабушка Авдотья. А бог?

На площади показывается Нефед. Он идет беспечным увальнем. Настя, увидав его, вся загорается, оживленно вскакивает, идет к нему навстречу, с Нефедом скрывается в толпе. Бабушка Авдотья машет рукой и убито задумывается.

Груня (*звонким голосом*). Девки, айдате на речку песни петь?

В это время показывается ручная тележка с сидящей в ней бабушкой Драченой.

Веселые голоса. Драчена, Драчена!

Мишанька (*вытаскивает тележку на авансцену, кладет оглобли и весело обращается к бабушке Драчене*). Терпишь?

Бабушка Драчена. Терплю, батюшка, терплю.

Мишанька. Ну и терпи. Уговор помнишь?

Бабушка Драчена. Какой уговор?

Мишанька. Какой уговор? Полтину за то, что привез да отвез, а что на чудотворной соберешь завтра – пополам.

Бабушка Драчена. Так-так, батюшка.

Толпа подростков окружает Драчену.

Голоса из толпы. Го-го!

– И устарела же...

Бабушка Драчена. Ох, устарела: сил нет. Лежу да плачу, а вставать надо: не встанешь, не соберешь, не соберешь – чем кормиться?

Голос из толпы. А что, баушка, годков сто будет?

Бабушка Драчена. И не упомяну, батюшка, не упомяну.

Голос из толпы. Охота еще...

Бабушка Драчена (*силясь встать*). Ох! Охота, батюшка, охота...

Никитка (*товарищу*). Она все думает, что приехала к покойной барыне.

Товарищ. Ну?

Никитка. А вот дай срок: баушка, ты к кому приехала?

Бабушка Драчена (*весело*). К кому приехала? К Марье Ивановне приехала...

Толпа смеется.

Голос из толпы. Марья Ивановна – так, а вот Борис Павлович лют.

Бабушка Драчена (*испуганно*). Ох, лют, батюшка, лют: чуть что – пороть!

Голос из толпы. А ты потише, а то как раз – услышит.

Бабушка Драчена (*хватается за голову и быстро прячется в тележку*). Ох, пропала моя головушка.

Смех.

Голос из толпы. Тридцать лет, как померли и Марья Ивановна твоя и Борис Павлович.

Бабушка Драчена (*лукаво*). Его и не жаль, батюшка, – пес с ним!

Голос из толпы. А ведь и там, слыхала: нам же работать назначено на него?

Бабушка Драчена. Ну?

Голос из толпы. Дрова под тот котел, где варится он, таскать нам же назначено.

Мишанька. Ну ладно: куда же теперь с тобой деваться?

Бабушка Авдотья (*кричит*). Ну уж вези ее ко мне.

Бабушка Драчена (*проезжая мимо Авдотьи, радостно, ласковым, детским голосом*).

Ох, Авдотьюшка, милая ты моя, ласковая, помнишь ли, как молоды мы были, в лес по малину ходили?

Бабушка Авдотья (*машиет рукой*). На, вот что вспомнила...

В воротах скрывается тележка с обеими бабушками.

Груня. Айдайте же, парни, девки!

Толпа уходит. Хоровод поет за сценой, в то время как на сцене действие не прерывается.

Слова первой песни за сценой:

«Плетень, заплетайся,
Золота труба, завивайся.
Из-за гор горы девица,
Из-за синя моря,
Из-за чиста поля
Гусей выгоняла.
Серых выгоняла.
Тига, гуси, домой,
Тига, серые, домой.
Гуси не идут домой,
Серы не идут домой.
Я сама гуськом.
Сама беленьким.
Сама сереньким,
Уж я улком шла.
Переулком шла,
Клубок ниток нашла.
Клубок катится.
Нитка тянется.
Клубок дале, дале, дале.
Нитка боле, боле, боле.
Я за ниточку взялась, –
В руках нитка порвалась».

Солнце садится, лучи его золотят пруд.

Любуша за сценой: «Давайте – „Растворю я двери клетки“».

Слова второй песни за сценой – медленно, задумчиво:

«Растворю я двери клетки,
Пущу пташку на моря –
Потаенных два словечка
Снеси другу моему.
Сядь на яблонь на кудряву.
Пропой песню, пропой нову,
Участь горькую мою.
Не у нас ли во деревне.
Во веселой слободе
Жил мальчишка разудалый,
Лет семнадцать, холостой.

Он задумал, сын, жениться,
Позволения стал просить:
Позволь, батюшка, жениться,
Взять которую люблю.
Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь:
„Все на свете девки равны.
Можно каждую любить“.
Отвернулся сын, заплакал,
Отцу слова не сказал.
Шел он садиком зеленым.
Шел дорожкой столбовой,
Сел под яблоню румяну
И под ветку зелену,
Вынул шашку, вынул востру
И зарезал сам себя.
Его буйная головка
Покатилась по траве,
Его очи, его ясны
Прямо к солнышку глядят,
Его письма дорогие
Прямо к Любушке летят.
И Любушка принимала
И читала во слезах.
Где читала, там упала,
Там и кончилась любовь».

Нефед и Настя. Жена купца и сын его.

Нефед. Рада?

Настя (*порывисто*). Ох как рада! Так уж рада: все сразу забыла. Тебя одного, желанного, вижу... Ох, Нефедушка! Хоть годик бы пожить с тобой... Есть же счастье на свете, а чем, чем хуже мы людей?

Нефед. Будет, Настя, и нам счастье. Что время-то терять? Айда за мельницу.

Настя (*радостно, испуганно*). А народ?!

Нефед. В кои годы свиделись, и все ты: народ, муж, бабка...

Настя (*быстро, оглядываясь*). Ну иди... Я через Иринин двор... (*Уходит в Иринину избу.*)

Нефед проходит улицей.

Торговец (*выходит из избы Григория, жене и сыну*). Да поворачивайтесь, Христа ради, скорее... К вечеру как раз чудотворную принесут, а у вас ничего не готово.

Григорий (*без шапки, придерживая волосы, идет подобострастно за торговцем*). Видно, и вам же все труды вокруг нерукотворной.

Торговец (*озабоченно*). Бог труды любит... Алена, да убери же, Христа ради, короб... Эка народ бестолковый, прости господи... Ступайте чай пить. (*Принимается сам за разборку коробов.*)

Жена и сын уходят.

Григорий (*заискивающе*). Так и поспеваετε везде за образом?

Торговец (*отдуваясь*). Так все лето и ездим.

Григорий. К нам-то впервой еще... Чать, и насмотрелись же на чудеса, что матушка пресвятая царица небесная во славу свою творит?

Торговец. Бывает.

Григорий (*испуганно*). Бывает?!

Торговец. Так как же иначе? Чудак человек, – на то и чудотворная.

Григорий (*умиленно*). Так, батюшка, так.

Федор (*с толпой жєницин, богомольцев, проходя, кланяется – любовно, ласково*). Простите, Христа ради.

Григорий (*кланяется, придерживая рукой волосы*). Дедушке Федору Ивановичу... Тоже поспеваετε встречу нерукотворной?

Федор (*смирєнно*). Надо потрудиться...

Григорий (*торговцу*). Много же трудов приемлет и Федор Иванович у нас: нет и мест таких, где, кажись, не побывал бы он: его молитвами живем.

Федор (*нехотя*). Какие наши молитвы? Носит господь до срока, дает время грехи замолить. Земному богу служил семьдесят годков, надо и для небесного потрудиться.

Григорий (*вздыхая*). Надо, надо...

Торговец. Дело доброе...

Федор. Выйдешь этак: в ногах ломота, грудь подвалит, – думаєшь: тут за околицей и душу богу отдашь, а глядишь, разомнешься, и понес господь... А на душе радостно... Вспомнишь про село – жутко; злоба там, как в котле, кипит, а посмотришь в небо – и забудешь все: тучка ли то плывет, ангел ли господен летит, волю его святую несет...

Торговец. Ну вот вам. (*Подает горсть пряников.*)

Федор. Простите, Христа ради. (*Показывает на проходящего юродивого.*) Вот чьими милостынями живы. (*Уходит с бабами.*)

Григорий (*вслед*). Правильно, батюшка, правильно.

Торговец (*Григорию, показывая на юродивого*). Что за человек?

Григорий (*таинственно*). А так, раб божий... Илюша по прозванию... Юродивый.

Юродивый (*в отдалении, становится на колени у одной из изб*). Упокой господи и покой дай новопреставленной странничке божией Фаиде и всем странничкам твоим, прежде представшим: Селивестру, Авдею, Петру. (*Кивает головой, тихо бормочет, стоя на коленях.*)

Торговец. Это что же он?

Андрей проходит и молча слушает.

Григорий. Ветхая старушка тут в келейке жила, да вєчор преставилась. Вот он и поминает... А то так днем, на заре, или ночью в селе, или на мазарках заберетсє, станет на колени и начнет поминать всех, кто только помер при нем на селе... Всєх помнит.

Торговец. Что ж, это хорошо.

Григорий (*понижая голос*). Так считаем: великий раб божий... И житеь вот выбрал у меня в бане. И не знаю, с чего и выбрал: так и хуже людей я будто, и грехами весь, как собака паршивая блохами, обсыпан, и с чего ему на душеньку пало жить у меня – не знаем, – выбрал и живет. Не нам нашим умом понять, а так только по приметам смекаем: великий раб.

Юродивый возвращается.

Торговец. А нельзя ли потолковать с ним? Охотник я с этакой душой, которая, можно сказать, бога видит, сообщиться.

Григорий (*раздумчиво*). Уж и не знаю я, батюшка, как его воля будет.

Андрей. Так что ж? Скричать его, и только... Эй, Ильюшка, поди сюда: вот барин поговорить с тобой желает.

Юродивый (*растерянно*). Неколи мне, староста я, – кур в огороде гонять надо... (*Торопливо уходит, озабоченно про себя говоря: «Киш, киш...»*).

Григорий (*задумчиво*). Не пожелал...

Андрей. Не пожелал же.

Торговец (*обиженно*). Не показался я ему, что ли?

Григорий (*уклончиво*). Нет, так что-нибудь.

Торговец (*недовольно*). О каких курах он толкует?

Андрей. Вишь, будто кур ему по огородам гонять надо: слышь, старостой куриным зовет себя.

Григорий (*раздумчиво*). Не пожелал...

Андрей. А вот из чего не пожелал: я слово неловкое сказал: барином тебя обозвал. А он, слышь, из наших же, из дворовых... С малолетства вот такой же все юродивый был, а господам, видно, сумнительно было: парнишка как парнишка, а от дела отлынивает. Маненько и прижимали его: на горячую плитку голыми ножками, слышь, ставили; вот он с тех пор и робит... И бар уж тех нет, купцу и земля перешла, а он как заслышит: барин там, альбо чиновник – уйдет сейчас.

Григорий. Робкий...

Торговец. Ну вот, какой же я барин? Ваш же брат, одна кость: от Адама, чать, все. А жаль, охота бы покалякать. И дела есть от него?

Григорий (*нехотя, таинственно*). Есть. (*Смотрит на Андрея.*) Вот как город горел. Город где? Семьдесят верст. Теперь вот машину строят, близко будет; а прежде когда-то весть дойдет. А он бегаёт по селу да кричит: «Горим, в огне горим», а тут слышим – сгорел город, и как раз в ту пору, как он бегал.

Андрей. У него все этакая повадка: «В огне горим». Ну, а уж как помер человек, тут и перестал он гореть, тут с ним и разговаривать можно – с покойником, значит. А с нашим братом, живым, только и разговор у него: «Горим», а то: «Помрешь, все поймешь»; или с миской под окно: «Дай!» Непременно полную ему наливай, там чего хочешь, только полную – хоть воды налей.

Юродивый опять проходит мимо к избе покойницы, нерешительно оглядываясь.

Это все к покойнице его тянет.

Торговец (*идя к юродивому*). Здравствуй, божий человек, вот постой, я тебе дам. (*Достает кошелек, роется, вынимает монету, протягивает юродивому.*)

Юродивый (*жалобно, просительно*). Не надо, дяденька...

Торговец. А ты возьми. Наврали тут тебе, что я барин, – такой же мужик, как и вы все.

Юродивый (*еще просительнее*). Не надо, дяденька, как бы в тюрьму не попасть...

Торговец. Почему в тюрьму?

Юродивый (*скороговоркой*). Помрешь, все поймешь...

Андрей. Это, слышь, после пожара тогда в городе его сажали, думали, что и он поджигал, – оттого что бегал тогда по селу да кричал: «Горим!»

Торговец (*юродивому*). А ты возьми, Христа ради возьми, не обижай, – поклонюсь тебе. (*Низко кланяется.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.